



Фото О. Трубачева, июнь, Сталинград 1942 г.

*Оглянувшись, увидели охваченный  
дымом и пламенем родной город,  
и я сразу почувствовал, как дороги  
были те годы, которые я провел в  
Сталинграде.*

*О. Трубачев.  
Дневник сталинградца.  
Сталинград, 1942 год.*



## Дневник сталинградца<sup>1</sup>

Стоял солнечный теплый день, один из тех дней в конце лета, которые уже не томят своей жарой, как обычные знойные летние дни, и солнце бросает на землю свои ласковые мягкие лучи, будто прощаясь с летом и поджидая осень, еще ничем не выказавшую свое приближение. Стоял день 23 августа 1942 года. Если мысленно перенестись в Сталинград, на зеленую Ковровскую улицу, и заглянуть во двор дома № 85, с садиком и огородом, то увидите беседующую семью, расположившуюся на крыльце дома. В это время калитка отворилась и вошел мужчина средних лет, не кто иной как мой папа. Мама была тут же и, стоя на террасе, разговаривала с хозяином дома насчет соления огурцов.

.... Вдруг в воздухе послышался многоголосый рокот самолетов и частые дребезжащие выстрелы зениток. А, посмотрев в сторону заходящего солнца, я увидел множество медленно идущих самолетов, окруженных разрывами снарядов.

<...>

Вдруг из всего этого грохота выделился пронзительный вой, который неотступно приближался, все время нарастая. В этом вое слышались зловещие нотки, и он, скрежеща и охая, пронесся в даль. Но уже через мгновение земля содрогнулась, и раздался раскалывающий голову удар. Я почувствовал такой прилив воздуха в легкие, что долгое время не мог отдышаться. Воздушная волна ворвалась в щель с несколькими горячими осколками, и они, дымясь, упали на полу ватной спецовки Ивана Аристарховича Подпругина. Поднялась такая пыль, что в двух шагах ничего не стало видно.

Постепенно пыль стала расходиться. Стало тише. Я огляделся. В щели, кроме нас с Подпругиным, сидели на узком пространстве Крайневы с детьми и их родственники. Мы поспешили узнать, где разорвались бомбы, и вышли наружу.

Весь север со стороны центра города был объят багровым заревом пожара. К востоку это зарево постепенно уменьшалось, но на самом востоке, то есть на берегу Волги, оно снова увеличивалось и заканчивалось наверху темно-желтой полосой, закрывавшей все небо и солнце.

<sup>1</sup> Текст дневника опубликован: газета «Домострой». – М., 1992. – № 2. – С. 10; – № 4. – С.10; Академик О.Н. Трубачев: Слово о замечательном волгоградце. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – с. 12 – 23; Академик Олег Николаевич Трубачев: Слово о замечательном волгоградце / сост. Г. В. Егорова. – Волгоград: Типография лица № 8 «Олимпия», 2008. – С. 6–18.

К западу от берега мы наблюдали ту же картину: разрушенные здания, обгорелые стены, дымящиеся груды развалин и зияющие, еще совсем свежие воронки. Оставшиеся здания большей частью пылали, и видно было, как рушились одна за другой горящие рамы, подпорки, потом все здание превращалось в груды развалин. По небу, плавно кружась, летели искры. Пахло гарью.

<...>

Короткое время пришлось созерцать эту картину разрушения. Опять разразился над нами шквал бомбардировки, и так до глубокой ночи пришлось сидеть невылазно в щели. Спать пришлось там же, где и сидели; каждый, приткнувшись в свой уголок, согнувшись в три погибели, сидя или полулежа, старался заснуть. Но сон не давался.

<...>

Так, как читателю известно, что голод не тетка, мы решили позаботиться о своих желудках. Мама, бабушка и Татьяна Андреевна Подпругина занялись проведением в жизнь этого вопроса. Достали хлеб, рыбу, сварили кашу и вскипятили чайник, - вот и готов завтрак. Надо добавить, что щель находилась в вишневом саду и мы расположились под сенью вишневых деревьев.

Днем была опять бомбардировка, но к ней еще прибавились выстрелы из дальнобойных орудий, наших и немецких. Стреляли больше шрапнелью. Снаряды с верещанием носились над головой, то приближаясь, то удаляясь. После выстрела, внезапно раздавался хлопок и в небе расплывалось облачко разрыва. Осколки сыпались на землю дождем, влипая с хрустом в толстые доски забора, пробивая стены сарая и срезая ветви деревьев.

<...>

А тем временем немцы сжимали кольцо осады. В районе Ельшанки и Бекетовки они подошли почти вплотную к Волге, но больше не тронулись с места. На островках и мелях Волги напротив Сталинграда устраивались нашими артиллеристами батареи, из обломков зданий вырастали грозные дзоты, в подвалах зданий безымянные герои-бойцы загораживали с одним автоматом в руках дорогу целым батальонам, в цехах заводов не на жизнь, а на смерть боролись дивизии сибиряков против немцев. Все это делало Сталинград неприступной крепостью.

<...>

Воспользовавшись затишьем, мы наскоро собрались и пошли. Шли сначала по Ковровской улице, потом свернули на Рабоче-Крестьянскую и вышли на разрушенную базарную площадь.

Ковровскую улицу на всем ее протяжении нельзя было узнать. Шоссе было разворочено бомбами. Черные пласты асфальта были нагромождены в беспорядке, один на другой, телеграфные столбы валялись, скошенные снарядами, и опутывали проводами заборы, столбики и стены, оставшиеся от домов. Рабоче-Крестьянская улица пострадала меньше, но и она вся была изрыта бомбами. Кругом виднелись воронки с бугристыми и опаленными краями.

Вот и базар... От массы ларьков, лавочек и сараев остались только печные трубы и обуглившиеся стропила. В стороне стояли каменные, еще не тронутые здания магазинов и киосков. Мы подошли к одному и вошли в полуподвальное помещение. Мы расположились тут у двери на своем скарбе и стали ждать. Долгое время было спокойно, но уже через какие-нибудь 45 минут послышался рокот самолетов, который постепенно приближался с пронзительной сиреной (надо сказать, что гитлеровцы применяли на своих самолетах при пикировании гудки электрических сирен, напоминающие удесятеренный вой сброшенной бомбы), и тяжелые взрывы стали рвать воздух. Со стен сыпалась штукатурка, вылетали из маленьких окон оставшиеся стекла, летели обломки кирпичей. Вдруг раздался свист, и тяжелый взрыв встряхнул все здание. Стекла, кирпичи, штукатурка, воздушная волна - все это с грохотом рванулось вниз. Бомба упала, по-

видимому, очень близко. На минуту затишье. Но через короткий перерыв - снова бомбардировка. Самолеты немцев медленно пробирались сквозь целые ожерелья зенитных разрывов, потом спускались, все время ускоряя свой ход, и наконец, доходя до нижней точки пикирования, резко вздергивались кверху, выбрасывая бомбы, и улетали. На смену им приходили звенья других...

<...>

Бомбы падали теперь без всякой цели, только вспахивали и бороздили землю, и уже сгоревшие, разрушенные здания разрушались вновь. Вот нарастает звенящий звук, он приближается, и в ожидании думаешь: где-то сейчас рухнет смертоносная бомба, встряхнет кругом почву, поднимет на воздух пласты земли, бревна, камни, затем все это свалится вниз по сторонам только что развороченной воронки, засыпая все вокруг...

<...>

Начался сентябрь. Наступила осень. Солнечные дни бывали редки, и к тому же стали лить дожди. Щель представляла собой неглубокую траншею. Накрыта она была бревнами, несколькими слоями досок, листом кровельного железа и засыпана сверху землей. К тому же, она была без дверей, и во время дождя вода свободно лилась в нее. Щель была очень низка, и не только взрослый человек, но и подросток не мог в ней стать во весь рост.

<...>

Высокие всплески от падающих в воду бомб и снарядов поднимались внезапно вокруг парома и недалеко от моторки, осыпая все водными брызгами. Сталинград весь был закрыт полосой огненно-желтого дыма, в котором носились самолеты и гремели залпы орудий. Высокий Мамаев Курган, господствующий над городом, был окутан дымом и огнем взрывов. То и дело к нему взмывали желто-красные клубы дыма и пыли - это стреляли "катюши". Моторка стала медленно заворачивать к выступавшей из воды песчаной косе, и на мгновение, как только показался в окнах берег Сталинграда, я увидел пылавшее здание Дворца пионеров, а около него проезжавшую машину со скорострельным орудием. Пушка скрывалась вся в дыму и огне и без устали палила. Потом все скрылось, на секунду опять появилось, но уже значительно дальше. Моторка прошла косу, и перед ней открылся левый берег с глиняными мазанками и рыбацкими лодками. По всему горизонту от одного края до другого тянулась пелена дыма с огненным заревом. Сотрясающие взрывы зачастили, и над морем бушующего пламени подымались клубы дыма и какие-то предметы, взорванные бомбой или снарядами. Моторка сделала поворот и подошла к левому берегу. Мягко врезалась в песок носом и остановилась.

Мы сошли на берег по узкой мокрой сходне. Берег был покрыт полосой сыпучего песка, легко осыпавшегося под ногами. Веяло жарким ветром, несшим дым со стороны Сталинграда. Раздался выстрел и, просвистев недалеко над водой, разорвалась шрапнель. Оставаться на берегу было опасно. Мы пошли по откосу к хатам. Оглянувшись, увидели охваченный дымом и пламенем родной город, и я сразу почувствовал, как дороги были те годы, которые я провел в Сталинграде.

Полный текст Дневника сталинградца

[http://www.lyceum8.ru/1/pisma/Trubatchev\\_Lihatchev\\_08.pdf](http://www.lyceum8.ru/1/pisma/Trubatchev_Lihatchev_08.pdf)